
Научная статья

УДК 930.85+355.40

DOI: 10.36718/2500-1825-2021-4-172-185

Николай Петрович Бучко

Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин, кандидат исторических наук, доцент, buchko65@mail.ru

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ ФАКТОР В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ ВОИНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ СИЛ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

В современной политической практике актуализируется фактор иностранного политического вмешательства во внутреннюю жизнь государств. На повестке дня сегодня неправовые действия иностранных государств, информационные столкновения, поляризация позиций, наличие острых противоречий в оценке происходящих политических событий, обвинения в попытках военного давления на сопредельные государства. Исторический анализ прошлого позволяет сказать, что обозначенные проблемы имели свою основу и в вековой истории России. Такое неприкрытое иностранное вмешательство во внутреннюю жизнь страны получило характер военной интервенции для поддержки одной из сторон разгоревшейся во втором десятилетии XX века в России Гражданской войны. Определенным катализатором обозначенного этого иностранного вмешательства стали действия Чехословацкого корпуса, ставшего важной частью военно-политического лагеря противников большевизма в России. В марте 1918 г. между представителями советского правительства, Чехословацкого национального совета и Чехословацкого корпуса подписали соглашение, согласно которому обеспечивалась отправка чехословацких частей, сформированных в России в Первую мировую войну, на восток (к Владивостоку) с целью их последующей переправки морем в Европу. Руководствуясь внешнеполитической и внутривнутриполитической обстановкой, советское руководство, в нарушение имевшихся договоренностей, потребовало разоружения чехословацких формирований и их последующего расформирования. Командование Корпуса отказалось подчиняться требованиям советского правительства, что привело к военным столкновениям Корпуса с красногвардейцами и свержению, при поддержке антибольшевистского подполья, советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке. Наряду с военными действиями чехословаки на местах реализовывали и определенную политиче-

скую практику, заявляя о своих политических предпочтениях противников большевиков, что свидетельствовало об их желаниях влиять на внутривнутриполитические процессы, происходившие в нашей стране.

Ключевые слова: Гражданская война, Чехословацкий корпус, иностранное вмешательство, политическая практика, военное руководство.

Nikolay P. Buchko

Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice, Associate Professor at the Department of General Education Disciplines, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, buchko65@mail.ru

CZECHOSLOVAK FACTOR IN ANTI-BOLSHEVIK FORCES MILITARY FORMATIONS POLITICAL PRACTICE DURING THE CIVIL WAR IN THE RUSSIAN EAST

In modern political practice, the factor of foreign political interference in the internal life of states is being actualized. On the agenda today there are illegal actions of foreign states, information clashes, polarization of positions, the presence of sharp contradictions in the assessment of current political events, accusations of attempts to exert military pressure on neighboring states. Historical analysis of the past allows us to say that the identified problems had their basis in the centuries-old history of Russia. This blatant foreign intervention in the internal life of the country took on the character of a military intervention to support one of the parties to the Civil War that flared up in Russia in the second decade of the 20th century. The actions of the Czechoslovak Corps, which became an important part of the military-political camp of the opponents of Bolshevism in Russia, became a definite catalyst for this foreign intervention. In March 1918, an agreement was signed between representatives of the Soviet government, the Czechoslovak National Council and the Czechoslovak Corps, according to which the Czechoslovak units formed in Russia during the First World War were sent to the east (to Vladivostok) with the aim of their subsequent shipment by sea to Europe. Guided by the foreign and domestic political situation, the Soviet leadership, in violation of the existing agreements, demanded the disarmament of the Czechoslovak formations and their subsequent disbandment. The Corps command refused to obey the demands of the Soviet government, which led to military clashes between the Corps and the Red Guards and the overthrow, with the support of the anti-Bolshevik underground, Soviet power in Siberia and the Far East. Along with military actions, the Czechoslovakians also implemented a certain political practice, declaring their political preferences of the opponents of the Bolsheviks, which indicated their desire to influence the internal political processes taking place in our country.

Keywords: *Civil War, Czechoslovak Corps, foreign intervention, political practice, military leadership.*

Введение. В годы Гражданской войны в России немаловажную роль в формировании политического ландшафта на востоке страны сыграли иностранные воинские контингенты. С момента прихода к власти в Петрограде в октябре 1917 г. большевиков страны Антанты, не желая выхода России из Первой мировой войны, стали формировать планы о воспрепятствовании реализации таких намерений новых российских властей. В них было и вторжение в Россию, а региону Сибири и Дальнего Востока в этом контексте отводилось особое значение. [16, с. 291–296].

Цель исследования – изучение фактора иностранного военного вмешательства во внутреннюю жизнь страны в условиях складывающегося в ней военно-политического противостояния антагонистических политических сил. Рассмотрение заявленной проблемы обусловлено подготовкой научного исследования, посвященного оценке роли вооруженного фактора в формировании политики противоборствующих сторон в годы Гражданской войны на востоке России.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследование роли иностранного военного вмешательства в политическую жизнь России после событий октября 1917 г., места в нем Чехословацкого корпуса нашло свое отражение в работах историков и участников событий уже в первые послереволюционные годы. В них авторы, независимо от своей партийной принадлежности, отмечали важность Чехословацкого корпуса как одной из важнейших составляющих антибольшевистских сил, хотя и по-разному оценивали его роль в противостоянии с советской властью [1, 7, 17, 29, 31]. Последующие работы советских историков рассматривали историю участия чехословацких войск, как правило, в контексте рассмотрения вопросов противодействия иностранной военной силе [29, 34]. В послевоенные годы исследования участия Чехословацкого корпуса в событиях Гражданской войны в России сосредотачивались на критике политических позиций чехословаков. В работе А.Х. Клеванского «Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России 1914–1921 гг.» автор детально рассмотрел историю Корпуса, особое внимание уделив оценке разнонаправленных политических позиций внутри чехословацких войск [18]. В исследовании М.И. Светачева, осветившего историю иностранной интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке, вопросы участия чехословацких войск рассмотрены в контексте действий иностранных государств против Советской России [30]. В последнее время спектр работ отечественных исследователей по истории

участия Чехословацкого корпуса в событиях Гражданской войны в России был достаточно разнообразный, при этом многие из них строились на критике работ советского периода. Иностранная историография рассматриваемой проблемы во многом основывалась на оценках необходимого участия чехословаков в событиях в России [22, 25, 36, 37].

Наличие достаточно широкого спектра исследований по участию Чехословацкого корпуса в событиях Гражданской войны в России не дает полного отражения вопросов реализации чехословаками своей политической практики, что актуализирует необходимость обратиться к обозначенной проблеме.

Для реализации планов интервенции в России иностранные державы планировали использовать и находящиеся в стране сформированные в годы Первой мировой войны (в составе Русской армии из числа бывших военнослужащих австро-венгерской армии, в основном из военнопленных чехов и словаков) национальные воинские формирования. Еще в конце 1917 г. в планах бывших союзников России было их использование против большевистской власти в Южной Украине и Бессарабии [36, с. 9].

Взяв под свое покровительство чехословаков для их последующего применения в мировой войне на стороне Антанты, 16 декабря 1917 г. Президент Французской Республики Р. Пуанкаре подписал декрет о создании чехословацкой армии при ее подчинении французскому командованию. Это решение главы Франции было подготовлено на основе сообщения, направленного в его адрес премьер-министром и военным министром республики Ж. Клемансо и министром иностранных дел С. Пишоном с ходатайством о подписании указанного документа [38, р. 10379].

Находясь в России, чехословаки в условиях прихода к власти большевиков старались соблюдать нейтралитет по отношению к участникам военно-политического противостояния. После целой череды переговоров чехословакам и советским властям удалось договориться о возможной эвакуации частей Корпуса через Владивосток [6, с. 12–13].

Правда, еще до этого в кругах политических чехословаков, стоящих у истоков формирования в 1916 г. Чехословацкого Национального Совета (ЧСНС), обсуждался вопрос о возможности использования военных в России [12, с. 17].

В марте 1918 г. между английским и французским правительствами и ЧСНС имел место диалог относительно возможности использования чехословаков для оккупации Омска или Восточной Сибири совместно Г.М. Семеновым, сформировавшим к тому времени Особый Маньчжурский отряд [22, с. 313].

Военные руководители антибольшевистских сил отмечали, что становление вооруженных сил белого движения на Востоке во многом было обязано выступлению Чехословацкого корпуса и их поддержке под-

польных антибольшевистских групп [2, с. 26]. Наряду с поддержкой военной составляющей антисоветских сил и непосредственным участием в боевых действиях военные руководители иностранных войск проявляли тогда склонность и к политическому руководству [20, с. 32].

Определенным катализатором выступления Чехословацкого корпуса против установившейся после Октября 1917 г. в стране власти, по мнению представителей партии эсеров, стали действия большевиков, требовавших полного разоружения чехословацких частей [23, с. 572–573]. Такие требования нарушали имевшие место в середине марта 1918 г. договоренности между представителями ЧСНС и советского правительства [35, с. 70–73].

Коммунистические руководители настаивали на недопущении продвижения чехословаков на восток, требовали разоружения частей на линии Транссиба, так как видели в возможных действиях чехословаков угрозу нарождавшейся советской власти [14, с. 212–213].

Отношения между Чехословацким корпусом и советскими органами власти обострили инцидент, произошедший в мае 1918 г. в Челябинске, который привел к вооруженному выступлению чехословаков против большевиков. После него 20 мая 1918 г. здесь же был проведен съезд представителей ЧСНС и воинских частей, на котором было объявлено о категорическом несогласии с требованием большевиков о сдаче чехословаками оружия [39, с. 21].

В нарушение имевшихся ранее договоренностей, разрешавших чехословакам иметь оружие, необходимое для самообороны передвигавшихся на восток воинских эшелонов, 25 мая 1918 г. нарком по военным делам Л.Д. Троцкий издал приказ за № 1847/р всем советам депутатов и военным комиссариатам о разоружении чехословаков по всему пути следования Чехословацкого корпуса. В нем отмечалось, что любой вооруженный чехословак должен быть выброшен из вагона и заключен в лагерь для военнопленных [35, с. 153].

Такое решение советского военного руководства вызвало негодование в рядах чехословаков. Полковник С.Н. Войцеховский, бывший тогда в составе Корпуса в качестве старшего воинского начальника чехословацких войск Челябинска, считал, что резолюции большевиков, направленные на остановку передвижения чехословаков, могли привести к катастрофе [3, л. 16]. 21 мая в Москве были арестованы представители ЧСНС, которые подчинились приказу народного комиссара по военным делам Л.Д. Троцкого о разоружении чехословаков [24, с. 25–26].

Антисоветский демарш чехословаков был реализован не на пустом месте. Чехословацкий Национальный Совет к моменту мятежа уже имел на территории Поволжья и Сибири разветвленную разведывательную сеть и связь с проэссеровским и офицерским подпольем [18, с. 175].

20 мая 1918 г. в Челябинске совещание представителей национальных руководителей и командиров частей Чехословацкого корпуса сфор-

мировало Временный исполнительный комитет (ВИК), который фактически встал во главе находящихся на территории России чехословацких войск. Деятельностью воинских формирований руководил Военный совет. Командование Чехословацкого корпуса сообщило советскому правительству о нежелании сдавать оружие. После 23 мая 1918 г. города, населенные пункты, железнодорожные станции, где находились чехословацкие формирования, стали заниматься чехословаками под предлогом необходимости обеспечить перемещение Корпуса во Владивосток. Уже в ночь с 26 на 27 мая 1918 г. Челябинск был занят частями чехословаков под командованием Войцеховского без единой потери [3, л. 24].

Действовали чехословаки и при поддержке подпольных антибольшевистских офицерских организаций на местах. В Николаевске против большевиков действовал 7-й Татранский стрелковый полк под командованием Р. Гайды. Свои действия он согласовывал с одним из руководителей подпольщиков в Сибири А.Н. Гришиным-Алмазовым [39, с. 25–26].

В начале июня 1918 г. руководство ВИК отметило, что выступление Чехословацкого корпуса обеспечило условия для создания на востоке России новой власти, которая бы поддерживала союзные государства Антанты [18, с. 220]. Выступление чехословаков фактически привело к власти антисоветские правительства Комуч, Областное правительство Урала, Западно-Сибирский комиссариат и способствовало военной интервенции в Россию. Правда, не все эти антисоветские власти поддерживались военно-политическими кругами антибольшевистских сил. Так, пришедший к власти на штыках Чехословацкого корпуса Комуч они называли «полубольшевистским учреждением» [29, с. 46].

Приход к власти на местах антибольшевистских сил при поддержке чехословацких войск порой обеспечивался непосредственным руководством органами власти – представителями чехословацкого командования. 2 июня 1918 г. в г. Кургане силами чехословацких войск была свергнута советская власть. Комендантом города был назначен чехословацкий поручик В. Сухий. Новыми властями было заявлено, что они передадут власть «тотчас же, как только населением города будет сформирован орган управления, отражающий интересы всех классов населения» [18]. Своими первыми приказами новый комендант Кургана сохранил введенное еще большевиками военное положение, отметил, что военная власть в городе сохраняется за чехословаками, наложил запрет на агитацию, направленную против новой власти и чехословацких войск, запретил повышать торговые цены. Своим приказом от 4 июня 1918 г. В. Сухий распорядился городской думе Кургана немедленно возобновить деятельность всех правительственных и общественных учреждений, работающих в городе до прихода к власти большевиков [5, л. 1].

Временное Сибирское правительство (ВСП), сформированное в Омске 30 июня 1918 г., надеясь на военную поддержку со стороны чехосло-

ваков, рассчитывало, что последние не будут вмешиваться во внутренние дела Сибири [8].

Правда, такой расчет ВСП упирался в действия некоторых командиров войсковых формирований чехословаков. В телеграмме, направленной капитаном Р. Гайдой 25 июля 1918 г. в адрес начальников чехословацких эшелонов на линии Иркутск – Красноярск до Новониколаевска, управлению Томской железной дороги, всем должностным лицам Иркутска, штабу Средне-Сибирского корпуса, штабу округа в Челябинске, штабу корпуса в Омске, штабам армий и Временному исполнительному комитету съезда чехословацкого войска», докладывалось о введении запретов на проведение митингов на железной дороге, находящейся на осадном положении, введении в действие особых военно-полевых судов с правами вынесения смертных приговоров. В телеграмме указывалось, что виновные в призывах или подстрекательстве к забастовкам на железной дороге или в уклонении от работ подлежат расстрелу по приговору военно-полевого суда. Такие же меры должны были приниматься и в отношении тех, кто был уличен в содействии частям Красной армии, и немецких шпионов [33, с. 221–222].

Правительство отдало распоряжение военному министру А.Н. Гришин-Алмазову дезавуировать это решение Гайды [13, с. 64–65]. Сам Гришин-Алмазов в ответной телеграмме потребовал от Р. Гайды немедленно сообщить, на каком основании чехословацкий военный командир отменяет законы Временного Сибирского правительства, вмешиваясь во внутреннюю жизнь страны [33, с. 222]. Такие эпизоды усиливали нарастающее недоверие в отношениях между чехословаками и ВСП. Не была исключением и военная сфера. В докладе на имя Командира Корпуса генерала В.Н. Шокорова А.Н. Гришин-Алмазов отмечал, что части чехословаков порой ставят бесчисленные препятствия действиям русских войск [27, л. 1]. Тот же Р. Гайда считал, что русские части должны быть беспрекословного подчинения их чехословакам, в том числе и в вопросах назначения военных начальников [27, л. 2].

Однако в ряде случаев чехословаки пытались влиять на принимаемые сибирской властью решения. 13 августа 1918 г. представители ЧСНС в письме Совету министров ВСП настаивали на сохранении смертной казни как формы ответственности за совершенные преступления, неприменение которой провозглашалось Сибирским правительством в качестве основополагающего принципа. Чехословаки предлагали предоставить военно-полевым судам право применять смертную власть [4, с. 759]. Действия образованных чехословаками военно-полевых судов заканчивались расстрелами российских граждан [13, с. 87]. Не гнушались они и конфискациями имущества российских граждан и организаций в свою пользу. После свержения власти Советов во Владивостоке че-

хословаки конфисковали имущество фирм, магазинов, оружие и автомобили [28, л. 595].

Командование Чехословацкого корпуса стремилось оказывать влияние на решения ВСП по вопросам реализуемой социально-экономической политики. В октябре 1918 г. Начальник штаба корпуса русский генерал М.К. Дитерихс требовал от ВСП мер, направленных на восстановление порядка оплаты труда железнодорожников, с целью прекращения забастовки на дороге [4, с. 347]. Правительство отвергло притязания генерала.

Не способствовало улучшению отношений между чехословаками и ВСП решение одного из военных руководителей Чехословацкого корпуса Р. Гайды об объявлении части Сибирской железной дороги от Барабинска до Иркутска на военном положении, а участка на восток от Красноярска – на осадном. При этом сообщалось о запрете митингов, введении особых военно-полевых судов, наделенных правами вынесения смертных приговоров, которые ВСП отвергало как средство правового решения [33, с. 221–222].

Чехословаки пытались повлиять и на формирование в России в сентябре 1918 г. Временного Всероссийского правительства (Уфимская Директория). На совещании в Уфе представитель ЧСНК Б. Павлу сообщил, что в случае неформирования на совещании «единой русской власти» чехословаки оставят фронт, при этом законной властью они считали тех политиков в России, которые составили антисоветское правительство в Самаре (Комуч) [29, с. 47].

Не сдержав свои обещания, части корпуса отступили под давлением Красной армии, оставив в сентябре 1918 г. Казань, прихватив при отступлении имущество казенных складов, находящихся в городе и сформированных еще в годы мировой войны [32, с. 9].

В Уфе появилась Директория, но и ее деятельность через какое-то время перестала отвечать интересам чехословаков, и они уже в октябре 1918 г., во взаимодействии с эсерами, призывали население Сибири к свержению Временного Всероссийского правительства, обвинив его в контрреволюционности [29, с. 53].

Верховный правитель адмирал А.В. Колчак в своих политических заявлениях союзникам неоднократно отмечал неприятие попыток иностранных войск диктовать русской армии и власти на местах какие-то бы то ни было директивы. Негативной была реакция властей на приказ Командующего 2-й Чехословацкой стрелковой дивизией полковника Крейчия в Томске, возложившего ответственность местного населения за охрану магистрали на участке Новониколаевск – Ачинск [10, с. 307–308]. В приказе отмечалась ответственность местных жителей за крушения поездов, в ответ на которые волостные и сельские управления брали группу заложников. Если в течение трех дней отряду не удавалось получить информацию о виновниках преступления, то половина заложников

должна была быть расстреляна, а дома жителей, перешедших на сторону противника, – сжигаться. При повторном происшествии предписывалось увеличивать число расстреливаемых лиц, а близлежащие деревни сжигать целиком. И хотя приказ полковника Крейчия не носил столь пагубных последствий для населения, как аналогичные распоряжения колчаковских военных руководителей на местах, требования российских властей об его отмене были предъявлены на самом высоком уровне [15, с. 153–154]. Складывающееся положение дел (в оценке омскими властями действий чехословаков) привело к договоренностям между адмиралом Колчаком и военным министром Чехословацкой Республики генералом Штефаником, прибывшим в Сибирь во второй половине ноября 1918 г., об отводе чехословацких частей с фронта и поручении им охраны тыла и сибирских железных дорог [14, с. 89, 148].

На этом поприще чехословацкие формирования не проявляли особой рьяности и в большей мере решали вопросы личного благополучия. По оценке российских участников антибольшевистского лагеря, на охранявшие Трансиб формирования чехословаков тратилось более трети всего подвижного железнодорожного транспорта, а оценка перевезенных грузов показала, что на каждого чехословацкого бойца из Владивостока и Харбина ежемесячно вывозилось по несколько десятков пудов. Большинство из этих грузов в дальнейшем появлялось на рынках Сибири и использовалось для спекуляции [32, с. 14].

Изменение внутривосточного положения колчаковского режима, его поражение заставили чехословаков менять свое отношение к происходившему в России внутривосточному конфликту. В обращении от имени чехословацких войск к союзным державам 13 ноября 1919 г., подписанном политическим уполномоченным Чехословацкой республики Б. Павлу и членом филиала Чехословацкой народной рады доктором В. Гирсой, чехословацкие представители отмечали, что в практике действий русских военных был массовый террор населения. Такая позиция «союзников» вызывала негодование со стороны высшего руководства колчаковского режима [26, с. 112–115].

Возмущение демаршем представителей чехословаков было и у представителей местных демократических политических сил, и у союзников, которые понимали, что беззакония, злоупотребления колчаковских военно-управленческих структур на местах осуществляются с молчаливого согласия и чехословаков. Уже в условиях военно-политического кризиса колчаковского режима чехословаки поддерживали антиколчаковские выступления на местах. В начале декабря 1919 г. в Новониколаевске под руководством начальника гарнизона полковника А.В. Ивакина выступила Среднесибирская дивизия 1-й Сибирской армии. Восставшие заявили в своем обращении о поддержке их действий населением и чехословаками [26, с. 85].

Вмешательство чехословаков в политические процессы имело место и в условиях нарастания кризиса власти Верховного правителя. Таковыми стали события во Владивостоке, где 17–18 ноября 1919 г. при участии уволенного из армии Р. Гайды было организовано антиколчаковское восстание. Имея высокий авторитет в армии и среди эсеров, Гайда оказал восставшим поддержку в снабжении оружием и боеприпасами. Отсутствие поддержки представителей земства и эсеров, а также действия колчаковской контрразведки не позволили реализоваться планам восставших [9, л. 4].

Политическая трансформация чехословаков от сторонников антибольшевистских сил в начале борьбы, после прихода к власти Колчака и деятельности его режима, привела их фактически к роли оккупантов Транссибирской железной дороги, а впоследствии – к противостоянию с властью Верховного правителя. Результатом чего стала сначала поддержка чехословаками эсеров, поднявших мятеж против Колчака, а затем его предательство и передача противникам режима – просоциалистическому иркутскому Политцентру [19, с. 12]. Такие действия «союзников», как в военной, так и в гражданской антисоветской среде, вызвали волну негодования [31, с. 63].

В послеколчаковское время чехословаки до конца ноября 1920 г. находились в рядах антисоветских сил, пытавшихся сохранить свое присутствие на Дальнем Востоке. Правда и здесь чехословаки не отличались миролюбием по отношению к населению. В их практике было объявление хоть каких бы то ни было ценных вещей военной добычей, среди которых были металлы, разного рода сырье, ценные машины, породистые лошади. Только медикаментов было реквизировано на сумму свыше 3 млн руб. Такая же судьба постигла и многие российские культурные и научные ценности [11].

Заключение. Иностранное военно-политическое вмешательство в годы Гражданской войны пагубно сказалось на истории России. Поддержав антисоветские силы, осуществив прямую военную интервенцию, иностранные воинские формирования, вмешавшись во внутривнутриполитические процессы в России, способствовали разжиганию огня войны, пытались напрямую влиять на политическую ситуацию в России посредством реализации своих политических практик, нацеленных на реализацию своих, зачастую корыстных интересов, что, однако, не принесло им желаемого результата.

Список источников

1. *Алексеев В.* Борьба с чехословацким мятежом в Поволжье // Пролетарская революция. 1928. № 4. С. 45–88.
2. *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания. Новониколаевск, 1925. 565 с.

3. Войцеховский. Дневник 1918–1919 гг. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 772.
4. Временное Сибирское правительство (26 мая–3 ноября 1918 г.): сб. док. и мат-ов. Новосибирск: Сова, 2007. 818 с.
5. Государственный исторический архив Омской области. Ф. 1015. Оп. 1. Д. 16.
6. Голечек В. Чехословацкое войско в России. Иркутск: Наша речь, 1919. 86 с.
7. Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. М.: Айрис-пресс, 2011. Т. 2. 704 с.
8. Голос народа. 1918. 4 июня.
9. Государственный архив Хабаровского края. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 172.
10. Гражданская война в России (1918–1921). М.: Изд-во коммунистического университета им. Я.М. Свердлова, 1925. 708 с.
11. Дело России. 1920. 24 декабря.
12. Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика / ред. М. Туманов; пер. с чеш. О.С. Хархардин. М.: Изд-во иностр. лит., 1954. 319 с.
13. Дневник Петра Васильевича Вологодского // За спиной Колчака: док. и мат-лы / под ред. А.В. Квакина. М.: Аграф, 2005. С. 47–302.
14. Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России. 1914–1920. Париж; Прага, 1928. 219 с.
15. Жанен М. Отрывки из моего сибирского дневника // Сибирские огни. 1927. № 4. С. 133–161.
16. История Гражданской войны в СССР: в 5 т. Т. 3. Упрочение советской власти. Начало иностранной военной интервенции и гражданской войны (ноябрь 1917 г. – март 1919 г.). М.: Гос. изд-во полит. лит., 1958. 678 с.
17. Какурин Н.Е. Восстание чехословаков и борьба с Колчаком. М.; Л., 1928. 80 с.
18. Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М.: Наука, 1965. 395 с.
19. Коробейников А.В. Воткинская Народная армия в 1918 г. Ч. 1. Людской состав. Ижевск: Иднакар, 2013. 128 с.
20. Моравский В.И., Моравский Н.В. Из воспоминаний. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 106 с.
21. Народная газета. 1918. 6 июня.
22. Папоушек Яр. Причины чехословацкого выступления в 1918 году // Воля России. Прага, 1928. № VIII–IX (август – сентябрь). С. 287–350.
23. Партия социалистов-революционеров: док. и мат-лы: в 3 т. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917–1925 г. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2000. 1055 с.

24. *Парфенов П.С.* Гражданская война в Сибири, 1918–1920. М.: Госиздат, 1924. 169 с.
25. *Попов Ф.Г.* Чехословацкий мятеж и Самарская учредилка. М.; Самара, 1932. 100 с.
26. Последние дни колчаковщины: сб. док. Центрархива. М.: ГИЗ, 1926. 332 с.
27. Российский государственный военный архив. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 19.
28. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. Р-720. Оп. 2. Д. 10.
29. *Сахаров К.В.* Чешские легионы в Сибири (чешское предательство). Берлин: Глобус, 1930. 136 с.
30. *Светачев М.И.* Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922). Новосибирск: Наука, 1983. 331 с.
31. *Серебренников И.И.* Гражданская война в России: Великий отход. М.: Изд-во АСТ; Ермак, 2003. 695 с.
32. Славянофил. Чешские аргонавты в Сибири. Токио: Тоио-Инсацу-Кабусики-Кайша, 1921. 26 (22) с.
33. Хроника Гражданской войны в Сибири (1917–1918 гг.). М.: Гос. изд-во, 1926. 300 с.
34. *Хрулев В.В.* Чехословацкий мятеж и его ликвидация. М.: Военное изд-во Народного комиссариата обороны Союза ССР, 1940. 100 с.
35. Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920: док. и матлы. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918–1920 гг. М.: Кучково поле, 2018. 1024 с.
36. *Шмераль Б.* Чехословаки и эсеры. М.: Госиздат, 1922. 27 с.
37. *Bradley J.F.N.* La Légion Tchecoslovaque en Russie, 1914–1920. Paris, Centre National de la Recherche Scientifique, 1965. 152 p.
38. Journal officiel de la République française. Lois et décrets. 1917. 19 décembre. № 344. P. 10379.
39. Gajda, Radola. Moje paměti. Československá anabase. Zpět na Urál proti bolševikům. Admirál Kolčak. Praha: Vesmír, 1920. 179 s.

References

1. *Alekseev V.* Bor'ba s chekhoslovatskim myatezhom v Povolzh'e // Proletarskaya revolyutsiya. 1928. № 4. S. 45–88.
2. *Boldyrev V.G.* Direktoriya. Kolchak. Interventy. Vospominaniya. Novonikolaevsk, 1925. 565 s.
3. *Voitsekhovskii.* Dnevnik 1918–1919 gg. // Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. R-5881. Op. 2. D. 772.
4. Vremennoe Sibirskoe pravitel'stvo (26 maya–3 noyabrya 1918 g.): sb. dok. i mat-ov. Novosibirsk: Sova, 2007. 818 s.
5. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti. F. 1015. Op. 1. D. 16.

6. *Golechek V.* Chekhoslovatskoe voisko v Rossii. Irkutsk: Nasha rech', 1919. 86 s.
7. *Golovin N.N.* Rossiiskaya kontrrevolyutsiya v 1917–1918 gg. M.: Airispress, 2011. T. 2. 704 s.
8. Golos naroda. 1918. 4 iyunya.
9. Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraja. F. P-44. Op. 1. D. 172.
10. Grazhdanskaya voina v Rossii (1918–1921). M.: Izd-vo kommunisticheskogo universiteta im. YA.M. Sverdlova, 1925. 708 s.
11. Delo Rossii. 1920. 24 dekabrya.
12. Dokumenty ob antinarodnoi i antinatsional'noi politike Masarika / red. *M. Tumanov*; per. s chesh. *O.S. Kharkhardin*. M.: Izd-vo inostr. lit., 1954. – 319 s.
13. Dnevnik Petra Vasil'evicha Vologodskogo // Za spinoi Kolchaka: dok. i mat-ly / pod red. *A.V. Kvakina*. M.: Agraf, 2005. S. 47–302.
14. *Dragomiretskii V.S.* Chekhoslovaki v Rossii. 1914–1920. Parizh; Praga, 1928. 219 s.
15. *Zhanen M.* Otryvki iz moego sibirskogo dnevnika // Sibirskie ogni. 1927. № 4. S. 133–161.
16. Istoriya Grazhdanskoi voiny v SSSR: v 5 t. T. 3. Uprochenie sovetskoj vlasti. Nachalo inostrannoj voennoj interventsii i grazhdanskoi voiny (noyabr' 1917 g. – mart 1919 g.). M.: Gos. izd-vo polit. lit., 1958. 678 s.
17. *Kakurin N.E.* Vosstanie chekhoslovakov i bor'ba s Kolchakom. M.; L., 1928. 80 s.
18. *Klevanskii A.Kh.* Chekhoslovatskie internatsionalisty i prodannyy korpus. Chekhoslovatskie politicheskie organizatsii i voinskie formirovaniya v Rossii. 1914–1921 gg. M.: Nauka, 1965. 395 s.
19. *Korobeinikov A.V.* Votkinskaya Narodnaya armiya v 1918 g. CH. 1. Lyudskoi sostav. Izhevsk: Idnakar, 2013. 128 s.
20. *Moravskii V.I., Moravskii N.V.* Iz vospominanii. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2006. 106 s.
21. Narodnaya gazeta. 1918. 6 iyunya.
22. *Papoushek Yar.* Prichiny chekhoslovatskogo vystupleniya v 1918 godu // Volya Rossii. Praga, 1928. № VIII–IX (avgust – sentyabr'). S. 287–350.
23. Partiya sotsialistov-revoljutsionerov: dok. i mat-ly. v 3 t. T. 3. Ch. 2. Oktyabr' 1917–1925 g. M.: Ros. polit. ehntsikl. (ROSSPEHN), 2000. 1055 s.
24. *Parfenov P.S.* Grazhdanskaya voina v Sibiri, 1918–1920. M.: Gosiz-dat, 1924. 169 s.
25. *Popov F.G.* Chekhoslovatskii myatezh i Samarskaya uchredilka. M.; Samara, 1932. 100 s.
26. Poslednie dni kolchakovshchiny: sb. dok. Tsentrarkhiva. M.: GIZ, 1926. 332 s.
27. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv. F. 39617. Op. 1. D. 19.
28. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dal'nego Vostoka. F. R-720. Op. 2. D. 10.

29. *Sakharov K.V.* Cheshskie legiony v Sibiri (cheshskoe predatel'stvo). Berlin: Globus, 1930. 136 s.
30. *Svetachev M.I.* Imperialisticheskaya interventsia v Sibiri i na Dal'nem Vostoke (1918–1922). Novosibirsk: Nauka, 1983. 331 s.
31. *Serebrennikov I.I.* Grazhdanskaya voina v Rossii: Velikii otkhod. M.: Izd-vo ACT; Ermak, 2003. 695 s.
32. Slavyanofil. Cheshskie argonavty v Sibiri. Tokio: Toio-Insatsu-Kabusiki-Kaisha, 1921. 26 (22) s.
33. Khronika Grazhdanskoi voiny v Sibiri (1917–1918 gg.). M.: Gos. izd-vo, 1926. 300 s.
34. *Khrulev V.V.* Chekhoslovatskii myatezh i ego likvidatsiya. M.: Voennoe izd-vo Narodnogo komissariata oborony Soyuza SSR, 1940. 100 s.
35. Cheshsko-Slovatskii (Chekhoslovatskii) korpus. 1914–1920: dok. i matly. T. 2. Chekhoslovatskie legiony i Grazhdanskaya voina v Rossii. 1918–1920 gg. M.: Kuchkovo pole, 2018. 1024 s.
36. *Shmeral' B.* Chekhoslovaki i ehsery. M.: Gosizdat, 1922. 27 s.
37. *Bradley J.F.N.* La Légion Tchecoslovaque en Russie, 1914–1920. Paris, Centre National de la Recherche Scientifique, 1965. 152 r.
38. Journal officiel de la République française. Lois et décrets. 1917. 19 décembre. № 344. P. 10379.
39. Gajda, Radola. Moje paměti. Československá anabase. Zpět na Urál proti bolševikům. Admirál Kolčak. Praha: Vesmír, 1920. 179 s.

